

Держу в руках «Честную книгу» Эдуарда Анашкина и ловлю себя на мысли о притягательности первой страницы обложки. Романтично смотрятся на ней и старинная ложечка, и письменный набор — чернильница с гусиным пером, и чай в стакане с подстаканником, и книги, а на дальнем плане в призрачном свете — кромка леса. Между ними горящая свеча, огонёк которой в круглой ауре напоминает полную луну...

Название заставляет задуматься, почему честная? Вроде понятно, о чём: документальная повесть о дружбе с писателем и литературоведческие очерки и статьи. Что хочет сказать автор, дав такое название?..

Переворачиваю книгу, и вижу на обратной странице обложки фото и краткую биографию автора. Сибиряк, родился в Читинской области, в 1946 послевоенном году. Отмечаю его желание учиться. Это важное качество на пути самосовершенствования. Брался за любую работу. Начинал рабочим, стал учителем в школе, а затем заведующим отделом сельской районной газеты. Но в итоге затянула литературная стезя. Вступил в Союз писателей России. Жизненные испытания и полученный опыт легли в основу рассказов и повестей. Интерес к творчеству других вылился в литературоведческие очерки и статьи. Публиковался во многих газетах и журналах, выпустил несколько книг. И вот — новая, нынешнего года издания.

Вот так, в нескольких строчках изложена целая жизнь писателя, а что конкретно стоит за пройденными годами?

Отсчёт своего становления и многих, одновременно с ним начинавших, а ныне известных писателей, Эдуард Константинович ведёт с Читинского семинара, состоявшегося в 1965 году. Именно с того судьбоносного поворота молодые писатели стремительно и уверенно входили в литературу. Среди них был и Валентин Григорьевич Распутин.

Ненавязчиво, бережно и аккуратно Эдуард Константинович ведёт нить повествования от первой встречи с Распутиным до его последних дней, рассказывая при этом и о судьбе других писателей — как известных до семинара, так и получивших надёжную поддержку и путёвку в жизнь тогда, более полувека назад. «Надо принимать во внимание то, что значит для молодого писателя подобный семинар и оценка маститых словотворцев. Это таинство обретения своей творческой самобытности, по сути, таинство рождения писателя», — пишет Анашкин (с. 27).

По воле судьбы начинающий прозаик навсегда переехал в Поволжье, но не переставал «пристально следить за творчеством писателей-сибиряков», встреченных в Чите: Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Александра Вампилова, Геннадия Машкина... «Как читатель-читинец и как земляк-сибиряк радовался их творческим победам» (с. 28–29).

На памятном семинаре приглашённый в качестве гостя Эдуард Анашкин попросил Распутина подарить книгу. На что Валентин Григорьевич «...как-то по-детски улыбнулся: «Пока не могу. Вот выйдет книга — тогда и подарю с радостью...». Так состоялось моё знакомство с будущим классиком отечественной литературы», — вспоминает автор документальной повести (с. 16). И Распутин выполнил своё обещание, данное на центральной площади Читы — подарил Анашкину книгу, и не одну, с дарственными подписями. А к одной из книг, «Запрягу судьбу я в санки», написал предисловие под названием: «На добро — добром». «Наши с Распутиным добрые отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полувека назад», — считает Анашкин (с. 35–36).

Все эти годы Эдуард Константинович вёл дневник, вписывая в него всё важное и интересное в литературном мире, связанное с Распутиным, собирал газетные и журнальные статьи, сберегая подаренные писателем книги, диктофонные записи разговоров. В 2013 году в Иркутске, на Днях русской духовности и культуры «Сияние России» Валентин Григорьевич спросил Анашкина, почему он интересуется его творчеством. Эдуард Константинович признался, что хочет написать о нём. В ответ Валентин Григорьевич тихо рассмеялся и пожал Анашкину руку со словами: «Благословляю тебя на это. У тебя получится. Главное, книга будет честная» (с. 97).

И вот книга вышла. В ней рассказано о дружбе двух писателей и ещё много о чём. Сбор материала сблизил автора с родственниками знаменитого писателя по его линии и линии жены, Светланы Ивановны. Их воспоминания, фотографии помогают узнать, каким был Валентин Григорьевич в кругу семьи, как относился к друзьям, коллегам по перу, о трагических событиях в его жизни. Всё это подтверждено фактами, вызывает доверие и глубокую благодарность автору «Честной книги» за сохранение памяти о великом писателе, нашем современнике, запечатлевшем историю и события, участником и свидетелем которых он был.

Вторая часть «Честной книги» посвящена прозаикам и поэтам, привнёсшим в литературу своё видение мироустройства, отношений, чувств. Следует отметить, что у Эдуарда Константиновича особое чутьё на талантливых людей. Как-то по-особенному, искренне и душевно рассказывает автор «Честной книги» об их творчестве, жизненном пути. Это же отметил и прозаик Николай Иванов в автографе на своей книге «Тот, кто стреляет первым» (2017): «Моему собрату по творчеству — Эдуарду Анашкину, обладающему внутренним зрением и способному за строчками увидеть автора. С поклонением, Н. Иванов» (с. 244).

Ещё одна особенность — географическая широта охвата. Среди тех, кто привлёк внимание Анашкина-читателя, представители Поволжья, Западной и Восточной Сибири, Забайкалья. Есть и москвичи, но преобладают среди них выходцы из российской глубинки, не расставшиеся в творчестве со своими сельскими местами, болеющие за их судьбу.

Имена выстроены по алфавиту, и вот совпадение: первое слово обращено к Светлане Вьюгиной, детской писательнице. Тема детства очень близка Эдуарду Анашкину! Недаром название его очерка «В сторону доброты» перекликается с названием уже упомянутого предисловия Распутина к книге самого автора — «На добро — добром». Без доброго чувства писать о детях невозможно. И потому неслучайно Анашкин упоминает самый болевой эпизод из рассказа Вьюгиной «Папа не пил» («Волшебное словечко», 2019) — когда мама допытывается у маленькой дочери, вернувшейся из магазина с отцом, выпивал ли он с друзьями. Девочка очень любит своего отца и только что увидела его фронтовых друзей, инвалидов, и потому встала перед выбором: «сказать правду о папе, значит фактически предать папу. А не сказать правду — значит обмануть маму. Ребёнку приходится делать выбор даже не между добром и злом... а между большим и меньшим злом», — пишет Анашкин. Понимая терзания девочки, так и не выдавшей отца, он принимает её сторону (с. 231).

Очерк о прозаике Николае Иванове «Жизнь без наркоза» начинается со слов: «Есть писатели, чья биография захватывает читателя не меньше, чем произведения. Потому что их произведения есть не только предмет литературы, но — продолжение авторской судьбы» (с. 240). Эта мысль продолжается и дальше, где автор говорит, что военная проза Иванова «помимо её художественных достоинств, ещё и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре — где за художественностью угадывается документальная конкретика» (с. 240). И эта конкретика пронзительна, как в новелле «Золотистый, золотой». Звучит и мнение самого писателя Иванова о том, как изображать войну. Будучи руководителем совещания молодых военных прозаиков, он доказывал: война — не только кровь и стрельба. «Правда войны — это и когда воробей прыгает по колючей проволоке. Когда по крыше землянки бежит ручей...» (с. 245).

Много внимания уделено Станиславу Куняеву, и по причине вполне понятной. Это одна из самых значимых фигур нашего времени — как писатель и как главный редактор журнала «Наш современник». Но Анашкин больше останавливается на его поэзии, считая, что «поэт Станислав Куняев порою незаслуженно попадает в тень публициста Станислава Куняева» (с. 271). Цитируя строфы из разных лет, он убеждает: в книге избранного «Сквозь слёзы на глазах» стихи Куняева не потеряли свежести. Особенно те, в которых идет речь о трагической судьбе России. И даёт своё объяснение: «...Автора этих стихов... наверное, не может это не радовать. Но как гражданин и публицист он наверняка испытывает горечь. Раз стихи в защиту России не просто не устарели, но актуализировались, значит, Россия по-прежнему в беде. Разве только «страшилки» для русского человека сверху поменяли. Раньше пугали: «Лишь бы не было войны». Сегодня пугают: «Лишь бы не вернулись лихие девяностые» (с. 273–274).

Чем дальше читаю, тем больше замечаю: очерки и статьи Эдуарда Анашкина пишутся в свободной форме, переплетаясь с воспоминаниями (не зря он иногда их называет эссе), и это говорит о личном отношении к тем, о ком он рассказывает. И оно, отношение, искреннее и душевное. Действительно, каждый ему знаком как человек, и человек хороший.

В небольшой, но ёмкой статье об известном русском писателе Владимире Крупине чуткий взгляд автора выхватывает такую деталь: Крупин из тех, кто может

отказаться от литературной премии, если это препятствует его убеждениям. В творческой биографии поэта Николая Коновского отмечает, что «такое явление, когда поэт ушёл в тень своих стихов — редкость», в отличие от тех, кто любит «всюду говорить о себе» (с. 260).

За некоторыми названиями сразу угадывается содержание: «Через тайгу к человеку» (об Анатолии Кандаурове), «Верность маленькому человеку» (о Иване Никульшине), «О русской глубинке замолвила слово» (о Елене Чубенко). Проза этих писателей — о простых людях. Но автор книги ни простыми, ни маленькими их не считает: «Да и какой он, собственно, маленький — человек, являющийся плоть от плоти, кровь от крови народа?.. Его душа — огромная вселенная. И писатели, которые по природе своей... также плоть от плоти своего народа, от этой темы никуда уйти не могли» (с. 286).

Многие поэты, ставшие героями книги Эдуарда Анашкина, удивляют тем, что не расстались с такими же важными, как литература, занятиями, то есть не изменили прежней профессии. Делается понятно, почему строчки из цитированных стихов вызвали моё доверие: они подпитаны самой жизнью. Среди тех, кого имею в виду, — талантливый актёр и автор-исполнитель стихов-песен Михаил Ножкин; хирург-кардиолог Виктор Поляков, чьё имя присвоено Самарскому кардиологическому диспансеру; журналист, кандидат политических наук Александр Новопашин; служитель культа протоиерей Сергей Гусельников.

Задержусь на имени последнего. В очерке «Отблеск любви изначальной...» удивилась, прочитав: «...Будучи умудрённым священнослужителем и достаточно известным поэтом, отец Сергей сохранил в себе ту детскую чистоту и ощущение своего изначального человеческого несовершенства, которые помогают ему сохранить исповедальность и покаянность в стихотворениях, не впадая в страсть обличительства и избыточной назидательности». И здесь же, ниже, строчка, которая подтвердила сказанное и обнадёжила: «...И я иду, и падаю в пути, // но мне легко терпеть любую муку. // Теперь я не один, теперь смогу дойти — // ведь рядом Тот, Кто подаёт мне руку!» (с. 236).

Вообще все подобранные цитаты не расходятся с оценками автора, и потому возникает желание найти и прочитать книги тех, с чьим творчеством познакомилась впервые.

Но вернусь к землякам-сибирякам Эдуарда Анашкина. На Днях «Сияния России» 2013 года Эдуард Константинович познакомился с иркутскими писателями. С той поры со многими перезванивается, интересуется, как идут литературные дела. В результате в журналах «Сибирь», «Наш современник», «Подъём», на сайтах интернета появились его статьи о прозаиках Александре Донских, Юрии Баранове, Александре Лаптеве, поэтах Владимире Скифе, Михаиле Трофимове и других.

Не обошёл Эдуард Константинович вниманием и недавно вышедшую книгу критики и публицистики Валентины Семеновой «Под небом родным и тревожным» (Вече, 2019) — статью «Тревога о родном» включил в свою «Честную книгу». Давая одобрительный отзыв очеркам как об известных всему миру Распутине и Вампилове, так и о других талантливых писателях Восточной Сибири — Альберте Гурулёве, Валерии Нефедьеве, Анатолии Горбунове — он говорит о том, как «органично вписана распутинская тема в тему сибирской литерату-

ры, не подминая её под себя, а высвечивая лучшее», и «всё что написано — не плод досужих размышлений, но собственный опыт участия в событиях» (с. 327, 329).

В статье о Сергее Котьяло «Без срока давности» писатель и критик-эссеист выразил одно из своих воззрений на творчество: «Писателем по-настоящему может быть лишь тот, кто любит литературу в себе, а не себя в литературе». Эти слова относятся не только к прозаику, которого он называет «большим тружеником литературы» и высоко оценивает его правдолюбие в военных очерках, — они относятся и к самому Эдуарду Константиновичу. Он пишет о тех, кто придерживается того же. Кто несёт в сердце огромное сочувствие к судьбе своего народа, кто считает честное свидетельство о времени, событиях, людях главной задачей писателя.

Вот почему его книга получилась цельной, живой, будто наполненной теплом дружеской беседы. И читается она легко и с благодарностью.